

Традиционные общества: неизвестное прошлое

Материалы

X Международной научно-практической конференции
21–22 апреля 2014 года

Конференция организована на базе
Челябинского государственного педагогического университета

Челябинск
2014

УДК 1Ф
ББК 87.63
Т 58

Традиционные общества: неизвестное прошлое [Текст]: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апреля 2014 г. / редколлегия: Д.В. Чарыков (гл. ред.), О.Д. Бугас, И.А. Толчев. – Челябинск: Изд-во ООО «ПИРС», 2014. – 324 с.

ISBN 978-5-98578-175-5

Материалы конференции ориентированы на изучение проблематики обществ несовременного типа. В частности, рассмотрены вопросы политических и социально-экономических отношений, антропологических и культурных параметров в традиционном обществе. Большой блок вопросов связан с переходным состоянием досовременных обществ от традиции к модерну.

Рассчитаны на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех интересующихся проблематикой исторического знания.

Редакционная коллегия: Д.В. Чарыков, к.и.н., гл. редактор
И.А. Толчев, к.и.н., член редколлегии
О.Д. Бугас, ст. преподаватель, член редколлегии

Рецензенты: С.С. Загребин, д-р ист. наук, профессор, профессор Челябинского института развития профессионального образования
И.В. Нарский, д-р ист. наук, профессор, директор Центра культурно-исторических исследований ЮУрГУ

ISBN 978-5-98578-175-5

© Дизайн обложки С. Чебышева

Оглавление

О «законе перехода количества в качество» (10-летию конференции посвящается)..... 9

Теоретические аспекты изучения традиционных обществ (к 60-летию В.М. Рыбакова)

В.М. Рыбаков

Танское право о специфическом виде имущественных преступлений – «незаконном присвоении»..... 11

П.Б. Уваров

«Историков, историков слушайте!» Историко-философские построения В.М. Рыбакова.... 17

Д.В. Чарыков

«Ордусь» как социо-культурный проект: научное эссе 21

Ю.Г. Акимов

Начало контактной эпохи и трансформация традиционных обществ североамериканских индейцев и сибирских аборигенов: общее и особенное..... 25

М.В. Будько

Опыт «освоения» Чужого в библейской традиции..... 29

А.А. Буйденков

Общие и специфические черты, характерные для обществ с традиционной культурой..... 34

Е.М. Гробер

Особенности философии русского права в цивилизационном аспекте XVII века 37

В.Ю. Даренский

Историософия «Повести временных лет» 42

М.Б. Закиров

Евразийская концепция кризиса русского традиционного общества 47

Б.М. Кондорский

«Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства 51

С.С. Логиновский

Святоотеческое учение об ангелах как членах общества..... 56

А.М. Лотменцев

Ритуальная жертва и строительство города..... 65

О.В. Пацукевич

Роль религии в формировании духовности: исторический аспект 69

В.В. Ситдиков

Эволюция образа Александра Невского в русском самосознании 72

Политико-правовая и социально-экономическая сферы традиционных обществ

Д.А. Волошин

Практика регулярных встреч правителя с народом: исторический опыт Римской империи..... 76

С.Г. Дмитрина

Проблема легитимности власти в несовременных обществах с точки зрения коммуникативной теории исторического процесса 80

Н.С. Лапин

Способы подсчёта кочевого населения в исторической литературе..... 83

О.И. Литвинюк	
«Увѣщание сыну» Н.Д. Ханенко об изучении иностранных языков как отражение социального заказа.....	87
Н.А. Печенина	
Политическая историческая география юго-западных русских княжеств в XI – первой половине XIII ст.	92
А.Д. Плотникова	
Изменение положения бондов Исландии в эпоху Стурлунгов по материалам исландских саг	95
В.А. Сидорова, О.В. Пацукевич	
Становление и развитие протестантской и евангельской конфессий в Беларуси.....	98
В.В. Ставицкий, А.В. Ставицкий	
Изучение социальной организации традиционных обществ раннего железного века Восточной Европы по данным археологии	102
И.А. Толчев	
К вопросу о единстве и внутренней непротиворечивости реформ «Избранной рады» и мероприятий опричнины в правление Ивана IV	105
И.А. Фукалов	
Влияние религиозной терминологии на политические воззрения тюрок раннего средневековья.....	110
П.В. Яковлева	
Семья в традиционном корейском обществе.....	114
Культура и быт в традиционных обществах	
Л.Б. Алимова	
Декоративно-прикладная роскошь как культурно-исторический феномен в традиционном обществе.....	118
В.Н. Блохин	
Особенности динамики культуры традиционного общества в современных условиях	122
И.В. Ильин	
Бренд как феномен (до)модерного общества	125
С.Б. Муртазова	
Роль макама в традиционном культурном наследии узбекского народа	128
С.Ю. Пальгов	
Родинно-крестинная обрядность сельских жителей междуречья Волги и Дона	131
Д.В. Пикалов	
Духовные искания человека каменного века.....	135
А.В. Приходько	
Символическая родильная обрядность как первичное средство формирования социального пола ребенка и его инкорпорирования в украинский крестьянский социум XIX – нач. XX вв.	139
Р.Г. Сайгафаров	
Культурный аспект жизни народов Черкессии в середине 1720-х годов по донесениям французского консула в Крыму Ксаверио Главани.....	143
Б.Г. Фаткулин	
Традиционное общество в СУАР КНР: наличие уникальных алфавитов на арабской основе для уйгур и казахов КНР как залог сохранения традиционной идентичности	146

Г.Б. Хабижанова

Место человека в традиционной тюркской модели мироздания 150

Д.В. Хамула

Аристей, Трофоний и Мелиссей – древние боги-пчеловоды. К вопросу о происхождении
культы Диониса 153

С.В. Чарыкова

Категории «добра» и «долга» в социальной и образовательной практике
традиционных обществ 156

Русское православное общество

О.М. Давыдов

«Когда из Москвы уходили волхвы»: православный дискурс и церковная интеллигенция в
постсекулярной России 160

А.А. Кизлова

Попытки верующих вернуть почитаемые святыни из Киева в родные места (XIX – начало
XX вв.) 163

Е.В. Кустова

Духовное завещание преподобного Трифона Вятского 168

Л. Манчестер

Сын священника, врач, писатель Сергей Елпатьевский 171

М.Ю. Нечаева

Самозванчество XX века в контексте трансформаций православного сообщества 174

О.С. Павлова

О роли православия и традиционного уклада народной жизни во взглядах
К.П. Победоносцева 179

Л.В. Табунщикова

Процесс закрытия храмов на Дону в конце 1920-х – 1930-е гг. XX в. 183

А.В. Шадрин

Супруги священно- и церковнослужителей донской епархии начала XX века и их
социальное положение 187

Традиционное общество в условиях модернизации

М.Ш. Абдулаева

Традиционная этнокультурная идентичность народов Дагестана: реалии, проблемы,
перспективы 191

А.Б. Агафонова

Традиционное общество и проблемы водоснабжения в провинциальных городах в период
модернизации последней трети XIX – начала XX вв. (на материалах
Вологды и Новгорода) 194

Г.М. Алимов

Идея всестороннего образования и воспитания человека в проектах школьных реформ в
России в первой трети XVIII века 197

А.А. Асфандиярова

Мещане в Российской империи в первой половине XIX в. 200

А.А. Ахмедов

Кризис традиционной идентичности как фактор этнического национализма: к вопросу о
перспективах социокультурного единства России 203

А.В. Ахметшина	
Материальное положение земского медицинского персонала Уфимской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.	207
А.В. Ахсянов	
Общинное землевладение в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	211
А.А. Богданова	
Российское общество в эпоху Петра Великого: традиции и инновации.....	217
Ю.А. Векшина	
Деятельность генерала И.Ф. Паскевича в традициях «самодержавия-православия-народности»	219
В.В. Гурский	
Эволюция идеологии польского освободительного движения	224
Л.С. Евдокимова	
Христианская демократия Жака Маритена	228
А.Р. Ермолюк	
В.В. Розанов о Л.Н. Толстом и его творчестве	233
А.Е. Игнатович	
Трансформации традиционного мировоззрения мусульман в условиях принимающего общества Великобритании.....	237
С.М. Кинка	
Традиционные песенные праздники как фактор мобилизации политической нации (пример стран Балтии)	241
М.В. Кирчанов	
Чувашские традиционные сообщества XIX века: проблемы стартовых условий развития чувашского национализма	243
Е.В. Кирьякевич	
Уголовный закон РФ как правовой симулякр института регулирования делинквентного поведения	247
Н.В. Коршунова	
Понятие «реформа» в общественном сознании (на примере оценки реформ середины XVIII – первой четверти XIX вв.)	251
В.В. Кулачков	
Семейные разделы в быту крестьянства Западного региона России 1920-х гг.....	255
О.А. Курсева	
Земские деятели о сельской общине в условиях модернизации начала XX века	258
В.В. Ленская	
Эксплицитная инкорпорация Гетманщины в состав Российской империи в середине XVIII века.....	261
Г.В. Лукьянов	
Ливия и мусульманские племена Сахеля: к вопросу об условиях политической инструментализации традиционных обществ в XX в.	264
С.И. Лысенко	
Сельскохозяйственные традиции современников в творчестве Остапа Вишни 1925–1933 гг.....	268

И.В. Максимова	
Криминальная ситуация в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв.	271
И.С. Менщиков	
Девиантное поведение в западносибирской деревне в начале XX в.: аспект кризиса традиционной культуры русских.....	275
Д.И. Мурзакаева	
Традиционная мусульманская община царской России на рубеже XIX–XX вв.....	279
В.П. Николашин	
Аграрные элиты России второй половины – начала XX вв.: их структура и влияние (на примере Тамбовской губернии).....	282
Е.В. Пилипенко	
Ценностные установки экономики России – обеспечение приоритета духовного производства в едином экономическом поле	287
Ф.С. Приходько	
Трансформационные процессы в белорусском обществе в свете теории политической модернизации.....	292
А.М. Редькина	
Особенности модернизации посттоталитарной Украины.....	296
Ю.В. Тимофеева	
Книжная торговля в Западной Сибири в условиях модернизации (конец XIX – начало XX века)	301
А.Н. Фёдоров	
Традиционные общества в условиях кризиса: из опыта решения продовольственного вопроса в революционной России в 1917 г.....	306
Т.И. Франчук	
Философия В.Розанова в контексте традиционной и инновационной образовательных систем	310
О.В. Черная	
Основные критерии полового разделения труда в крестьянских хозяйствах Среднего Притоболья и Приисетья в конце XIX – начале XX века.....	314
Информация об авторах	318

Санкт-Петербург. Точка в окончательном присоединении украинских земель к Российской империи была поставлена социальными преобразованиями. Рядовые казаки становились государственными крестьянами, а крестьяне – крепостными.

Украинское население на протяжении всего периода наступления Российской короны на украинскую государственность оказывало ей сопротивление, но силы были неравными. Полвека непрерывных войн и татарские набеги истощили ресурсы Гетманщины, опустошили не только землю, но и души людей. Казацкая элита, исповедующая демократические принципы государственного управления, по своим моральным качествам не выдержала проверку теми испытаниями, которые на неё обрушились и начала заботиться не столько о благе Отечества, сколько о сохранении личных привилегий. По большому счету, интересы казачества и крестьян практически никогда не совпадали.

Сто лет автономии украинского казацкого государства навсегда впечатались в историческую память народа, обросли легендами и мифами. Через полвека после ликвидации Гетманщины классик украинской литературы Т.Г. Шевченко выразит коллективную мысль украинцев о казацком периоде их истории в стихах:

Була колись Гетьманщина,
Та вже не вернеться!
Було колись панували,
Та більше не будем.
Тієї слави козацької
Повік не забудем. [3, с. 54]

Была когда-то Гетманщина,
Но вряд-ли вернётся!
Было дело – вольно жили –
Да больше не будем.
Эту славу казацкую
Вовек не забудем.

/ Перевод мой – В. Л. /

Библиографический список

1. История Украины: Документы. Материалы / уклад., комент. В.Ю. Короля. – К., 2002.
2. Руда О. Українське козацтво в інтерпретації польських істориків кінця ХІХ – першої третини ХХ століття. – Львів, 2010.
3. Шевченко Т. Кобзар / вступ ст. М. Рильського. – К., 1961.
4. Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. 4-е вид. – К., 2009.

Г.В. Лукьянов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Ливия и мусульманские племена Сахеля: к вопросу об условиях политической инструментализации традиционных обществ в ХХ в.

В докладе предпринята попытка рассмотреть процесс складывания комплекса условий, потребовавшихся для возникновения в последней трети ХХ века модели политических взаимоотношений между модернизирующимися политическими элитами и традиционными обществами Ливии и государств Сахеля в Африке. Данная модель подразумевает превращение племенных групп туарегов и тубу, расселенных, на территории Ливии и соседних государств Мали, Нигер, Чад, в инструмент внутренней и внешней политики ливийской властной элиты в период с начала 1950-х до начала ХХІ в.

Современная Ливия, возникшая в качестве единого независимого государства в 1951 г., на протяжении всего периода своего суверенного существования была и остается традиционным обществом. В его основе лежит синтез арабо-мусульманской и африканской политической культуры [8, р.43–45], а также сочетание традиционной племенной организации и некоторых элементов современного мышления, почерпнутых в период форсированной модернизации после революции 1969 г.

Определяющее значение в историческом развитии этой североафриканской страны играет фактор ее географического местоположения и окружения. На протяжении всей истории

распространения ислама, особенно во времена расцвета величайших мусульманских империй, Ливия оставалась политической и интеллектуальной периферией арабо-мусульманского мира. Обширные, но всегда малонаселенные пустынные территории не привлекали к себе особого внимания не только со стороны великих правителей, но и путешественников, торговцев и мыслителей исламского мира, оставивших сравнительно скудные и обрывочные их описания [4 с. 3–6.]. В XX веке Ливия так и не стала органической частью Магриба, в который традиционно принято включать лишь территории ее западных соседей – Алжира, Туниса и Марокко [3, с. 5]. В свою очередь географическая и некоторая культурно-историческая близость не привела к политическому и экономическому сближению Ливии ни с Египтом, ни с Суданом, что в конечном итоге превратило ее в большое обособленное «белое пятно» на карте мусульманского побережья Средиземного моря [2, с. 75–76].

Схожее, если даже не более негативное, восприятие Ливии существовало и в остальной, т.н. «чёрной» части Африки: в зоне пустыни Сахары, саваны Сахеля и южнее. С приходом европейцев в центр африканского континента в XIX в., оказалась разорвана традиционная экономическая связь между побережьем, Триполи и Бенгази, а также южными районами современной Ливии, – более известными под названием Феццан, – с одной стороны, и Сахелем, т.е. южными территориями современных Чада, Нигера, Мали с другой. Будучи основанной на торговле живым товаром, чернокожими рабами, она заложила целую систему предубеждений в отношениях между христианами и анимистами из числа негроидного населения и мусульманскими племенами в этих районах [12, р. 121–213]. Благодаря вмешательству французской колониальной империи культурная, политическая и экономическая пропасть между ливийскими землями и Центральной Африкой не исчезла, а лишь расширилась [11, р. 81–111].

Тем не менее, Ливия продолжала существовать между Африкой и мусульманским Ближним Востоком. При этом в условиях отсутствия или слабостей таких институтов современного общества, как государство, племенной уклад общественных отношений служил основным инструментом коммуникации с внешним миром, в частности с населением соседних территорий.

Возникновение на карте мира в декабре 1951 г. независимого государства, объединившего в своем составе территории Триполитании, Киренаики и Феццана, ознаменовало собой закрепление новой модели взаимоотношений между племенами и старым, но наделенным новыми привилегиями и функциями, актором региональных отношений.

Главой Объединенного королевства Ливия (ОКЛ) после длительного периода политических споров и дискуссий, последовавших за освобождением от итальянского колониального гнета в 1943 г., был избран Идрис ас-Сеннуси, лидер суфийского ордена сенуситов. Будучи мощной политической силой, способной сплотить представителей различных племен, сенуситы в течение десятилетий играли ведущую роль в организации межплеменного диалога в условиях существовавшей разобщенности, а в дальнейшем возглавили сопротивление итальянской колонизации [1, с. 153–190]. Тем самым они выступали в качестве единственной интегрирующей силы, не противодействовавшей укладу традиционного общества, а выстраивавшей систему диалога и консенсуса. Одним из важнейших залогов успеха ордена на этом поприще стала апелляция к религиозным чувствам и использование ислама, в качестве основы идейной и коммуникативной платформы объединения в независимости от племенных и расовых различий.

Ислам, будучи единственным объединяющим фактором в дифференцированном разноплеменном социуме, в этом отношении явился не только средством и инструментом достижения политических целей, но и модусом развития общества, как единого целого. С XIX века сенуситские *завии* (школы, духовные центры) являлись местом, где в независимости от существовавшей вражды представители различных племен и племенных союзов (в т.ч. не проживавших на территории современной Ливии постоянно) могли сосуществовать и договариваться между собой [1, с. 45–57, 77–84; 5, р. 44–58]. Коммуникативная и медиативная функции ислама превратили его в самовоспроизводящую платформу для межплеменного взаимодействия. В этом значении распространение ислама имело и политическое измерение, но не с точки зрения достижения государственных интересов, – т.к. никакого государства в этом период здесь не существовало, а в контексте потребностей племенных образований.

Традиционное общество, каковое составляли племена Ливии и Сахеля, остро нуждалось в авторитетном медиаторе социально-политических отношений, коим и стали сенуситы, чей авторитет и легитимность подкреплялись их связью с религией и внеплеменным статусом.

История миссионерской деятельности сенуситов среди кочевых племен Сахары, в т.ч. в северном Чаде, берет свое начало еще в конце XIX – начале XX вв., задолго до прихода итальянцев. Косвенным свидетельством того, какое значение уделяла верхушка ордена миссии распространения ислама среди чернокожего африканского населения, служит ее последовательное движение на юг. Этот процесс подчеркивало неоднократное перемещение «столицы» сенуситов на Юг, повторявшееся не единожды в условиях отсутствия прямой угрозы со стороны османских властей ил египтян в области основной их деятельности – Киренаике. Только столкновение и мощный военно-политический отпор со стороны французов остановили религиозно-политическую экспансию Сенуси, что ограничило зону их влияния рядом племен, кочевавших по Сахаре на всем протяжении от Мавритании до Чада и Судана [11, р. 112–125].

Полстолетия спустя приход сенуситов к власти в огромной по своей территории, но крайне малонаселенной стране, дал толчок новому этапу экспансии. Само это движение изначально не могло быть обосновано лишь политическими целями и интересами государства, так как его основным инициатором являлась сила, ставшая государствообразующей вопреки собственному желанию и против своей природы [1, с. 63–70, 322–336]. Несмотря на неразделенность понятий политического и религиозного в исламе, сенуситы всегда были и оставались в первую очередь религиозным движением, но никак не политической партией или группировкой. Поэтому свою миссию по распространению ислама в условиях новой политической реальности орден продолжал видеть в культурно-религиозном измерении. Чего нельзя сказать о его высших иерархах, превратившихся благодаря избранию Идриса ас-Сенуси ливийским королем из избираемых духовных авторитетов в родовую (наследственную) политическую элиту ОКЛ. Сам Идрис стал основоположником правящей династии в монархическом государстве, чем связал интересы суфийского ордена с интересами и чаяниями этого самого государства.

Вопрос о том, какими и чьими целями и интересами Идрис руководствовался в большей степени, достаточно дискуссионен. Свидетельством тому служит широта взглядов и оценок, присутствующих в обширной историографии вопроса [1, с. 7–12]. Тем не менее, на наш взгляд, для понимания этой проблемы, – требующей, безусловно, дополнительного исследования, – в рамках достижения целей и задач данного доклада значительную помощь может оказать рассмотрение уже упомянутой, возникшей после 1951 г. новой политической реальности.

Речь идет о появлении новых независимых государств в Магрибе, Сахаре и зоне Сахеля, чьи границы стали результатом деятельности европейских колонизаторов, а не местного населения. Прочерченные по карте буквально по линейке границы не могли и не учитывали ни зон расселения конкретных племен и племенных союзов, расовых, этнических и конфессиональных групп, ни, что немаловажно, маршрутов регулярных перемещений кочевников, составлявшего абсолютное большинство населения Сахары. Результатом оформленного и закрепленного бывшими колонизаторами обособления и суверенитизации подконтрольных им ранее территорий появились государства Мали (22 сентября 1960 г.), Нигер (3 августа 1960 г.), Чад (11 августа 1960 г.). Северная часть каждого из этих трех образований представляет собой пустынные районы, непригодные для ведения оседлого образа жизни и пашенного хозяйства, что заставляет местных жителей постоянно перемещаться и использовать скотоводство в качестве основного источника пропитания. Ограниченность водных ресурсов и растительности, а также сохранение племенной структуры общества, как единственно эффективного для выживания в данных суровых условиях способа социальной организации, сформировали особое отношение этих людей к привнесенному извне институту государства, основывающегося на понятии фиксированных границ и территорий [9, р. 546–548; 10, р. 20–26; 11, р. 112–124].

Таким образом, постоянное передвижение кочевых племен и стремление государств Сахеля взять под контроль население собственных стран, подчинить его деятельность соответствующему своду единых законов в соответствии с той государственно-правовой

системой, что досталась им в наследство от бывшей метрополии, привело к обострению ряда конфликтов.

Разрешение подобных противоречий осложнило оказываемое на них влияние этно-конфессионального фактора. Во всех перечисленных государствах Сахеля имеет место быть феномен этнической или конфессиональной поляризации. Северные пустынные районы населены исключительно исповедующими ислам кочевыми племенами, в т.ч. туарегами и тубу. В то же время, южные районы являлись зоной расселения оседлых негроидных племен. В Чаде население Юга отличается также и в религиозном плане, так как исповедует в большинстве своем христианство или анимистические культы. Раса и религия, оседлый образ жизни, а также потребность колониальных властей в использовании ресурсной базы населенных ими земель, сделали южан в период колониального господства привилегированной группой по сравнению с северянами [7, р. 11–20]. Привилегированность находила выражение в том, что только их представители в широкой массе получали возможность обучаться на французском языке в построенных французами школах, в итоге занимали должности в административном аппарате и формировали вооруженные силы. В результате деколонизации этих территорий их новые суверенные правительства состояли исключительно из уроженцев юга, строивших новые государства исключительно для своих соплеменников на предложенной французами структурной и нормативной основе [10, р. 11–20]. Это не могло не вызвать оппозицию со стороны северян, апеллирующих к исламу и традиции как основному источнику права и власти.

Возникшая таким образом государственная политика сегрегации и дискриминации отдельных групп населения по этническому и конфессиональному принципу нередко характеризовалась африканскими политическими деятелями и интеллектуалами как «новая форма колониализма», или неоколониализм [9, р. 549]. Она оттолкнула кочевые мусульманские племена севера Мали, Нигера и Чада от правительств в Бамако, Ниамей и Нджамене, и подтолкнула их обратиться за поддержкой к силам по другую сторону пустыни Сахара, – а именно, к Ливии и Алжиру.

В разразившемся в Чаде в первой половине 1960-х гг. конфликте между правительством южан во главе с президентом Ф.Н. Томбалбайем и племенами Севера, объединенными Фронтом национального освобождения Чада (ФРОЛИНА), последние получили моральную и материальную поддержку со стороны Ливийского королевства. О примате политических мотивов в деятельности сенуситской политической элиты говорит тот факт, что в 1954 г., за несколько лет до начала внутреннего вооруженного конфликта, ливийские моторизованные части осуществили попытку односторонней аннексии спорных территорий на границе с Чадом, но были отброшены французскими войсками [7, р. 23]. Здесь уже интересы Сенуситов, как правящей династии, выходили далеко за пределы религиозно-просветительских задач одноименного ордена и заключались в желании упрочить политическое влияние ОКЛ в регионе и расширить его границы за счет приграничной полосы Аузу. С этого момента и далее поддержка мусульманских племен Ливийским королевством имела два измерения и контекста: поддержка единоверцев в борьбе за их права в рамках единого государства Чад и расширение собственно ливийских территорий за счет населенных мусульманами и богатых ресурсами районов. Претворение в жизнь последнего постепенно стало приоритетным направлением политики Ливии на чадском направлении [11, р. 126–149].

Используя религиозную близость и родственные связи между уроженцами племен тубу, проживавшими по обе стороны государственной границы, ливийцы создали на своей территории все условия по поддержанию и развитию военно-политической структуры ФРОЛИНА для оказания с ее помощью давления на правительство в Нджамене [7, р. 24].

Изменения, произошедшие в позиции Ливии по внутричадскому конфликту после Революции 1969 г. и прихода к власти «свободных офицеров» [7, р. 25–29; 10, р. 84–100], показали, что союзные мусульманские племена в первую очередь рассматриваются ливийским политическим руководством в качестве инструмента достижения регионального лидерства, а уже потом как полноправные союзники. Революционное руководство несколько раз в течение первой половины 1970-х гг. меняло свои симпатии, стараясь максимизировать собственную прибыль. То продолжало усиливать племенные ополчения, то отказывалось от поддержки ФРОЛИНА в пользу развития диалога с христианским правительством Ф. Томбалбая,

пообещавшего в обмен на крупный денежный заем передать полосу Аузу под ливийский суверенитет [7, р. 31–37].

Схожая ситуация сложилась в отношении племен туарегов, проживающих как на территории Ливии, так и Алжира, Мали, Нигера. Наиболее острый характер конфликт между кочевниками туарегами и правительством, представляющим оседлое население Юга, приобрел в Мали, где в 1963 г. произошло их первое восстание, жестко подавленное восками [9, р. 549–550].

На протяжении 1970-х и 1980-х гг. Ливия стала единственным государством (за исключением Алжира, в случае с туарегами), предоставившим убежище и столь широкие возможности в рамках собственного суверенитета кочевым племенам Сахеля, притесняемым правительствами их собственных государств. Впоследствии это позволило М. Каддафи инструментализировать племенной фактор в контексте внутренней и внешней политики Триполи. С одной стороны, режим М. Каддафи превратил туарегов и тубу, обязанных ему за предоставление средств к существованию и «новой родины», в опору власти внутри самой Ливии, интегрировав их в вооруженные силы и экономический сектор страны [6, р. 142–144]. С другой стороны, ливийский лидер не преминул использовать племена в качестве средства давления на государства Сахеля с целью изменения их внешнеполитического курса. Результатом такой политики стало создание ливийской региональной гегемонии в 1990–2000 гг. под эгидой международной организации Сообщество сахаро-сахельских государств (СССГ) [9, р. 548].

Библиографический список

1. Егорин А.З., Миронова В.Г. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). – М., 2006.
2. Лукьянов Г.В. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 5. – С. 75–84.
3. Мальцев Ю.С. Страны Магриба в региональной и мировой политике. – М., 1994.
4. Прошин Н.И. История Ливии в Новое время. – М., 1981.
5. Evans-Pritchard E. The Sanusi of Cyrenaica. – London, 1949.
6. Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. – 2011. – Vol. 18. – № 4. – PP. 140–154.
7. Neuburger B. Involvement, Invasion and Withdrawal: Qadhdhafi's Libya and Chad, 1969–1981. – Tel-Aviv, 1982.
8. Obeidi, Amal. Political Culture in Libya. – London, 2001.
9. Ronen Y. Libya, the Tuareg and Mali on the Eve of the 'Arab Spring' and in its Aftermath: an Anatomy of Changed Relations // The Journal of North African Studies. – 2013. – Vol. 18. – № 4. – PP. 544–559.
10. Thompson V. and Adloff R. Conflict in Chad. – Berkeley, 1981.
11. Wright J. Libya, Chad and Central Sahara. – New Jersey, 1989.
12. Wright J. The Emergence of Libya. – London, 2008.

С.И. Лысенко

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»

Сельскохозяйственные традиции современников в творчестве Остапа Вишни 1925–1933 гг.

Об огромной популярности произведений Остапа Вишни в двадцатые годы написано очень много, ведь его публиковали в республике самыми большими после Тараса Шевченко тиражами, пока в 1933 не арестовали [1, с. 5, 7]. Цель нашего доклада – охарактеризовать новые и древние сельскохозяйственные традиции современников писателя, упомянутые в творчестве Остапа Вишни за 1925–1933 гг. За основание мы взяли произведения, которые вошли во второй том издания 1988 г. [Остап Вишня. Твори в чотирьох томах. – Т. 2. Усмішки,

Научное издание

Традиционные общества: неизвестное прошлое

Материалы X Международной научно-практической конференции
21–22 апреля 2014 г.

Редколлегия:

Гл. редактор Дмитрий Викторович Чарыков
Член редколлегии Иван Александрович Толчев
Член редколлегии Олег Дмитриевич Бугас

Издательство ООО «ПИРС»
454021 г. Челябинск, ул. Машиностроителей, 8

ISBN 978-5-98578-175-5

Объем уч.-изд. л. 17,15
Тираж 300 экз.
Формат 60X84 1/16

Сдано в набор 27.03.2014
Подписано к печати 16.04.2014
Бумага офсетная
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «УРАЛПОЛИСЕРВИС»
454087 г. Челябинск, ул. Гоголя, 26